

На стенде в холле нашего областного статуправления появилось объявление о собрании коллектива. Первым вопросом был отчет о работе отдела по статистике цен и финансов, а вот второй — обещал очень приятные вещи: грамоты и материальное поощрение лучших сотрудников. И еще одна маленькая греющая душу деталь: собрание будет проводиться сразу после обеденного перерыва, а не по окончании рабочего дня, чему коллектив статуправления был очень рад.

История эта случилась во времена, когда родная руководящая партия активно внедряла в жизнь свою очередную заморочку: никаких дел в рабочее время, не относящихся к трудовому процессу. Но в этот раз коллективу вышло послабление, потому что была пятница, и директор собирался к друзьям на дачу, а выезжать туда нужно было именно в пятницу. В общем, все складывалось удачно.

Николай Петрович Волченков работал в отделе по статистике населения. Он на секунду задержался возле объявления и одним взглядом охватил текст. Радостная мысль закружилась в голове: «Грамоты! Должны мне сегодня грамоту дать, должны! Начальство ко мне благоволит. Ведь сколько я для него делаю! А к грамоте, глядишь, и конвертик приложат». Волченков был абсолютно уверен, что моральное поощрение, не говоря уже о материальном носителе благодарности, ему непременно обеспечено, потому что несколько дней назад он выполнил конфиденциальную просьбу заместителя директора, на что тот пообещал услуги не забыть.

Николай Петрович работником, что уж греха таить, был посредственным. Он не совсем хорошо понимал суть своих должностных обязанностей, вследствие чего часто совершал ляпы в работе, однако всегда держал себя очень уверенно и выглядел большим знатоком своего дела. К тому же, он находился на хорошем

счета у начальства, потому что в общении с ним всегда выражал глубокую почитительность.

Маленький, толстенький, лысенький, приходя на работу, он незаметно проскальзывал на свое место в отделе, а если не было особой занятости, тихонько заходил в соседние кабинеты, молча пристраивался за последними столами и внимательно вслушивался в бесшабашные и озорные разговоры сотрудников.

Коллектив отдела по статистике населения был давно устоявшимся и, как говорят, устаканившимся. Все хорошо знали друг друга и, когда обсуждали дела насущные, бывало, не всегда стеснялись давать оценку происходящему, правда, потом удивлялись, почему начальство, вызывая к себе для поисков решения нерешаемого вопроса, проявляло эмоции, не совсем соответствующие текущему моменту.

Любил наш герой тусоваться на территории руководства и все время пытался просочиться к директору, но старая мудрая секретарша (старая по паспорту, а не по внешнему виду), пережившая трех начальников и знавшая о деятельности статуправления все и даже больше, его не пускала, ссылаясь на занятость шефа. Этот пробел он компенсировал постоянными посиделками либо у его замов, либо у заведующего отделом, в котором работал, выражая том свой восторг и восхищение и ненавязчиво рассказывая, что творится в кабинетах, какие разговоры ведут между собой коллеги, как оценивают стиль руководства и вообще...

А еще Николай Петрович имел массу полезных знакомств. И для нужных людей с их помощью ему удавалось уладить почти любую проблему. Решать щекотливые вопросы он старался незаметно, так, чтобы об этой стороне его бытия знало как можно меньше народу. Объясняя свое отсутствие в рабочем месте, он прикидывался несчастной жертвой обстоятельств, которой необходимо было находиться в данный момент в суде, поликлинике, районном отделении милиции... А для красного словца не брезговал и художественным вымыслом. Народ у нас сердобольный, жалостливый, глядишь — проникнется к тебе и слабость проявит. А ты этим быстренько воспользуешься.

Однако все тайное, в конце концов, становится явным. Вот одна из многочисленных историй, якобы случившихся с Николаем Петровичем, и ее закономерный финал.

Приходит наш герой утром на работу. Вид у него несчастный-разнесчастный. Протиснется бочком между столов, сядет, насупившись, в дальнем углу и уткнется глазами в столешницу.

— Николай Петрович! — скажет через некоторое время кто-нибудь из коллег. — Случилось что?

Он поерзает-поерзает на стуле, вздохнет тяжело и начинает жаловаться.

— Да, вот... Встретил вчера на улице сына, а он прошел мимо и даже не посмотрел в мою сторону. Вот как жена его против меня настроила!..

Волченков, имеющий двоих взрослых разнополых детей, уже год как развелся с женой.

— Да и сынок хорош! — продолжает трагическим голосом Николай Петрович. — Иван, родства не помнящий.

Коллеги за долгие годы совместной работы, узнав его как облупленного, все же участливо кивают головами: ведь прозвучало это очень убедительно.

— Да, Петрович, что тут сказать-то.

Вызвав всеобщее сочувствие, Николай Петрович через некоторое время потихоньку выходит из кабинета и растворяется в коридорах статуправления.

Спустя несколько минут в отдел врывается вечно опаздывающий Витька Евстафьев.

— Привет, мужики! Меня никто не спрашивал? Начальник не вызывал? Уфф, значит я вовремя. Чего я приподзидился-то: вчера в пивбаре с приятелями зависли. Знаете, кого я там встретил? Нашего Петровича! Сидят с сыном в обнимку, воблой по столу синхронно стучат и пивко дуэтом потягивают. Картинка не для слабоонервных!

Коллеги переглянутся друг с другом, всхотнут тихонько и продолжают работу.

* * *

Первая половина рабочего дня показалась Николаю Петровичу чрезвычайно длинной. Он поминутно взглядывал на круглые часы с большими черными цифрами на циферблате, висящие прямо над входной дверью в отдел, мысленно умоляя длинную стрелку двигаться быстрее.

Долго ли, коротко ли — подошло время обеда. Не дожидаясь окончания обеденного перерыва, Николай Петрович поспешил в актовзй зал, чтобы занять место в середине первого ряда.

Зал постепенно наполнялся, и вот, наконец, появилось начальство. Как положено, выбрали президиум, и собрание коллектива началось.

С первым вопросом разобрались довольно быстро. Выслушав двадцатиминутный отчет начальника координационного сектора о проделанной работе, все единогласно проголосовали «за», а на предложение председателя собрания задавать вопросы зал ответил дружным молчанием.

— Приступаем ко второму вопросу, — сказал председатель. — Приятную обязанность вручить по итогам отчетного периода заслуженные награды и материальное поощрение лучшим сотрудникам нашей организации я предоставляю нашему уважаемому директору — Сергею Александровичу Бибикову.

— Ну вот, — подумал Николай Петрович, нетерпеливо ерзая в кресле, — сначала будут администрацию три часа награждать, а потом продолжат в алфавитном порядке. Шеф наш любит турысы на колесах разводить, про каждого по полчаса говорить будет. Ну, ничего, потерпим...

И действительно, директор красочно рассказывал о профессиональных достоинствах награждаемых,

по несколько раз упоминал слова «дорогой», «уважаемый», «бескорыстно», долго тряс руку и еще минуту что-то вполголоса журчал вышедшим за наградами сотрудникам.

Волченков плохо понимал цветистые речи директора. Единственное, на что он реагировал, это фамилия награждаемого.

— ... для вручения грамоты приглашаем на сцену Ивана Тихоновича Брусникина.

— Ну, наконец-то! — с замиранием сердца подумал Николай Петрович, когда довольный Брусникин покинул сцену. — Следующий я!

И тут действительно прозвучало его имя.

— Вначале я хочу сказать несколько теплых слов о нашем замечательном сотруднике — нашем дорогом Николае Петровиче, — завибрировал обертонами своего хорошо поставленного баритона директор.

Николай Петрович стал медленно распрямлять позвоночник. Его подбородок начал потихоньку подниматься вверх. Глаза заблестали, на лице появилось горделивое выражение.

— Наш дорогой Николай Петрович не один десяток лет работает в нашей организации и за время своей работы зарекомендовал себя как честный, добросовестный и безотказный работник.

Морщины на лбу Николая Петровича стали разглаживаться, на щеках появился легкий румянец. Со стороны казалось, что он начинает наполняться каким-то специальным газом, как воздушный шарик, и незаметно подниматься в воздух.

Сидевший сбоку на втором ряду и наблюдавший за Волченковым Витька Евстафьев стал тихо толкать локтями коллег, которые с насмешливым выражением на лицах слушали шефа, и кивать головой на Николая Петровича.

— Смотрите, мужики! Наш Петрович сейчас над стулом взлетит от радости! Эх, нет правды на земле, но нет ее и выше.

— Я знаю, что Николай Петрович, — продолжал струиться бархатный баритон директора, — всегда готов прийти на помощь и подставить свое плечо в трудной ситуации — тыфу-тыфу, слава Богу, таковых у нас не было и, надеюсь, не будет. И я приглашаю на сцену Николая Петровича...

Николай Петрович Волченков начал медленно подниматься с места.

— ...Гавриленко!

Волченков как-то совершенно упустил из виду, что во втором корпусе статуправления, который находится через квартал от главного здания, работает его тезка — Николай Петрович Гавриленко. Наш герой знал, что в статуправлении работает такой Гавриленко, но потом совершенно о нем забыл, потому что тот не имел нужных возможностей и связей, а посему ничем не мог быть полезен.

Николай Петрович упал назад в кресло. Сидящие сзади и наблюдавшие за происходящим коллеги по отделу стали изо всех сил стискивать губы и закрывать рты ладонями.

Обида жаркой волной окатила Николая Петровича с головы до ног.

— Как же так? Почему? Чем я так не угодил начальству? Ведь за все мои заслуги... Жаловаться! Нужно жаловаться!

Но кому можно пожаловаться на совершенную по отношению к нему несправедливость? Начальству на начальство?

* * *

После собрания Николай Петрович, не сказав никому ни слова, отправился домой. Он чувствовал себя неважно, а потому, поужинав без аппетита, лег в постель, да так и пролежал в ней до вечера воскресенья. В голове, отчего та делалась свинцовой, постоянно вертелась мысль: «Сколько я для них делал! А ведь грамоту не дали. Ну что ж, я им покажу! Они у меня сто раз пожалеют!»

Идея «как им показать» пришла к Волченкову в воскресенье ровно в половине седьмого вечера.

— Не хотите — не надо! У меня в городе много друзей среди начальников в других конторах. Они прекрасно понимают, что я очень нужный для них человек, — рассудил он.

Придя в понедельник на работу, Николай Петрович с гордо поднятой головой отправился в отдел кадров и бросил на стол заявление об уходе.

Новость быстро распространилась по организации.

Его коллеги по отделу с облегчением вздохнули.